

2. *Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры.* М., 1990. С. 387–415.
3. Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В. В. Морковкина. М., 2000.

АПЕЛЛЯЦИЯ К АВТОРИТЕТУ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ХОД ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

А. С. Воронович

В современной лингвистике под речевой коммуникацией понимается стратегический процесс, требующий выбора оптимальных языковых средств для достижения коммуникативной цели. Стремление добиться максимального результата в процессе коммуникации порождает планирование, которое определяет стратегию говорящего и диктует выбор оптимальных для данной ситуации речевых действий [1, с. 4]. Методы и приемы, которые по отдельности или в комплексе ведут к решению сверхзадачи, являются конституентами коммуникативных тактик и обозначаются как коммуникативные ходы, которые представляют собой способы формальной организации текста, выражающиеся совокупностью разноуровневых языковых средств с идентичной функцией в рамках соответствующей стратегии [1, с. 16]. В качестве наглядного примера можно назвать явление коммуникативного хода апелляции к авторитету.

Исследование коммуникативного хода «апелляция к авторитету» было проведено в нашей работе на материале публичных выступлений немецких политиков и проповедников в 2006–2010 годах. Политический и религиозный дискурсы являются особыми типами общения, для которых характерна общая особенность – склонность к манипулированию, и поэтому особенно для участников этих видов дискурса очень важно использование различных речевых стратегий, повышающих вероятность достижения собственных коммуникативных целей [3, с. 15].

Апелляция к авторитету рассматривается нами как ссылка на мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в определенной области деятельности своими суждениями или поступками для усиления собственной коммуникативной позиции [2, с. 16]. Несмотря на то, что исследуемые в нашей работе политики и проповедники являются опытными ораторами и авторитетными специалистами в своих областях, а публичное выступление представляет для них неотъемлемую часть их профессии, для укрепления своих позиций они достаточно часто объединяются с «авторитетным лицом» и охотно прибегают к апелляции к ав-

торитету. Данный коммуникативный ход оказывается достаточно действенным: ссылка на авторитет автоматически укрепляет позицию оратора в глазах реципиентов, сводит огонь возможной критики к минимуму, а также посредством ярких выражений и языковых образов усиливает выразительную силу выступления в целом и является своеобразным приемом языковой экономии.

Анализ текстов показывает, что в исследуемом жанре публичной речи представлены многочисленные разновидности апелляции к авторитету, классифицировать которые представляется возможным по источнику апелляции, то есть по лицу или предмету, на котором строится данный прием. Источниками апелляции могут быть третьи лица (специалисты, участники какого-либо события, знаменитости, лица, знакомые оратору и/или слушателям, группы лиц или инстанции), сам оратор, различного рода прецедентные тексты (законы, постановления, священные тексты). Следующими возможными классификациями являются классификации по виду деятельности и по степени современности субъекта апелляции, а также по семантике глагола, содержащегося в апелляции.

Самой частотной разновидностью апелляции к авторитету в экспериментальном материале политического дискурса является отсылка к знаниям, речевому и неречевому опыту, мнению третьих лиц (более 90% всех апелляций у каждого оратора), например: *«Die Grundrechte müssen das Grundgesetz regieren», so hat es **der sozialdemokratische Rechtspolitiker Carlo Schmid** in seiner Rede vor dem Parlamentarischen Rat im September 1948 formuliert»* («Основные права граждан должны управлять конституцией» – сформулировал в своей речи перед парламентским советом в сентябре 1948 года **политик-социал-демократ Карло Шмидт**» (здесь и далее перевод наш – А. В.).

Достаточно часто в политических речах используется отсылка слушателя к мнению, речевому и неречевому опыту, знаниям самого оратора (до 9% апелляций у каждого оратора), например: *«Allerdings **sage ich** auch – **ich habe** es neulich auch bei der Max-Planck-Gesellschaft **gesagt**: Es darf nicht so aussehen, dass der, der regional Spitze ist, immer das Nachsehen hat, weil der, der von außen kommt, die besseren Bedingungen bekommt»* («Разумеется, **я** также скажу – **я** говорила это недавно в «Обществе Макса Планка»: это не должно выглядеть таким образом, что тот, кто является верхушкой в регионе, всегда остается ни с чем, а тот, кто приходит извне, получает лучшие условия»).

Для религиозного дискурса характерно примерно одинаковое количество обращения к третьим лицам (более 58% у каждого оратора) и к прецедентным текстам (около 40% у каждого оратора), например: *«Ich*

ermahne euch», **schreibt der Apostel**, «*dass ihr der Berufung würdig lebt, mit der ihr berufen seid ... Ertragt einer den andern in Liebe und seid darauf bedacht, zu wahren die Einigkeit im Geist durch das Band des Friedens*» («Я призываю вас», **пишет апостол**, «чтобы вы жили достойно вашему призванию,... Живите друг с другом в любви и стремитесь к тому, чтобы хранить согласие в духе узами мира»). «**In der Bibel steht**: «*Wem viel gegeben ist, bei dem wird man viel suchen; und wem viel anvertraut ist, von dem wird man umso mehr fordern*» («Кому дано многое, у того будут искать много; и кому доверено многое, от того будут требовать больше»).

Встречающиеся в проповедях виды прецедентных текстов в процентном соотношении выглядят следующим образом: апелляции к Библии – от 82 до 95%, апелляции к «народной мудрости» (притчи, пословицы) – от 10 до 18%, ссылка на церковные документы – от 1 до 5%.

Апелляция к оратору встречается в проповедях достаточно редко – всего около 1% у каждого оратора, например: «*Trotzdem wage ich und sage: Für eine solche Betrachtungsweise enthält Mendelssohns Musik nur Evangelium und nicht, oder zumindest nur in Spurenelementen, Gesetz*» («Все же я решусь и скажу: Для такого способа рассмотрения музыка Мендельсона содержит только Евангелие и никакого или, по меньшей мере, только в микроэлементах, закона»).

Исследование показывает, что наиболее частотными разновидностями апелляции к авторитету для политических текстов является обращение к мнению специалистов в политической сфере (от 25 до 82% всех случаев у каждого оратора). Достаточно часто ораторы обращаются к знаниям, опыту и действиям деятелей культуры и искусства (от 11 до 67% апелляций у каждого оратора). Далее, по частотности применения, следуют апелляции к авторитету общественных деятелей, ученых, представителей церкви, участников какого-либо события, врачей и журналистов.

Для религиозного дискурса является типичным обращение ораторов к мнению, во-первых, библейских персонажей (от 40 до 78% у каждого оратора) и, во-вторых, представителей церкви (от 10 до 36% у каждого оратора). Проповедники также прибегают к авторитету деятелей культуры и искусства, ученых, политиков и участников какого-либо события.

Важную роль играет также степень современности субъекта апелляции – чаще всего ораторы-политики, как и ораторы-проповедники, ссылаются на мнения современников (от 68 до 99% всех апелляций у каждого политика и от 39 до 61% у каждого проповедника).

Сравнение семантики глагола, содержащегося в апелляции, выявило наличие двух разновидностей данного коммуникативного хода – вер-

бальная и деятельностная апелляция. Вербальные апелляции реализуются в текстах в виде прямого и косвенного цитирования и отсылают реципиента к мнению или речевому опыту «авторитетного» лица. Анализ текстов показывает, что для политического и религиозного дискурса характерно более частое использование вербальных апелляций (от 68 до 94% и от 75 до 94% всех случаев у каждого оратора), например: «*Der Konventspräsident Giscard D’Estaing **sagte**, der Vertrag von Lissabon sei ein alter Brief in einem neuen Umschlag*» («Президент конвента Гискард Д’Эстен **говорил**: «Договор Лиссабона – это старое письмо в новом конверте»»). «*Der Theologe Ulrich Bach **erzählt** von der Erfahrung der Lähmung: „Ich spürte, da war etwas in meinem Leben zerrissen. Wer bin ich, wenn ich aus der Welt (der anderen) von heute auf morgen herausgefallen bin, dort nichts mehr zu suchen habe, wenn ich dort alles verlor?“*» («Теолог Ульрих Бах **рассказывает** об опыте паралича: „Я чувствовал, кое-что было разорвано в моей жизни. Кто я, если я выпал из мира сегодняшнего, если там мне нечего было больше искать, если я потерял там все»).

Деятельностные апелляции реализуются в форме лексико-грамматических конструкций, например: «*Graf von Zinzendorf, der Gründer der Herrnhuter Brüdergemeine, **hat die Vorbedingungen** für die wahre Einheit der Kirche noch weiter **verschlankt und konzentriert** – was umgekehrt die römisch-katholische Kirche zu der Rückfrage an uns veranlasst hat, ob wir es uns damit dann nicht doch zu einfach machen*» («**Граф фон Цинцендорф**, учредитель братской общины Хернхутера, еще дальше **ослабил и сконцентрировал** предварительные условия для настоящего единения церкви – что, наоборот, побудило римско-католическую церковь к запросу нам, не делаем ли мы этим тогда все слишком»). Они отсылают к неречевому опыту, т. е. действиям, решениям третьих лиц и занимают второе место по частотности использования в публичной речи политического и религиозного видов дискурса.

Литература

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999.
2. Салахова А. Г. Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.